

НАДЪ ГРОБОМЪ П. И. БАРТЕНЕВА.

*Въручай въ Мя, аще и умреть,
оживеть. (Иоан. II, 25).*

Такъ сказалъ Жизнодавецъ Господь нашъ плачущей Марѣѣ при гробѣ умершаго брата ея Лазаря. И мы всѣ, вѣрующіе въ Него, живемъ этой надеждой, въ ней мирясь съ смертію братій своихъ.

Вотъ и онъ умеръ,—умеръ тотъ, который дѣлалъ дѣло своей жизни уже полвѣка тому назадъ, когда мы, сами уже покрытые пепломъ жизни, еще только явились на свѣтъ Божій. И съ той поры неустанно, ни на шагъ не останавливаясь, шелъ онъ дорогою своей жизни, знакомя насъ съ жизнедѣятельностію нашихъ дѣдовъ и отцовъ, выставляя предъ нами живые образы ихъ въ ихъ словахъ и дѣлахъ. И какое обиліе этихъ живыхъ образовъ собралъ онъ изъ самыхъ разнообразныхъ хранилищъ человѣческой памяти! Съ какимъ искусствомъ, знаніемъ и пониманіемъ дѣла это собранное разбиралъ, распредѣлялъ и заносилъ въ свою „записную книжку“! Какою изумительной точностію въ опредѣленіи времени, мѣста, положенія и взаимныхъ отношеній родовыхъ, бытовыхъ и всякаго другого рода отличались эти собственноручныя отмѣтки и замѣтки его! Какая это была феноменальная память и громадная эрудиція, какой тонкій и глубокой умъ сказывался въ его оцѣнкѣ воспоминаемыхъ имъ лицъ и событій и какое художественное слово, въ какое облакалъ онъ свои мысли и сужденія! А этотъ неустанный и кропотливѣйшій трудъ, безъ отдыха, безъ развлеченій на протяженіи болѣе полувѣка, даже тогда, когда на плечахъ труженника было свыше восьмидесяти лѣтъ! По истинѣ не знаешь, чему въ этомъ Русскомъ архивистѣ нужно было болѣе удивляться—этой ли его необычайной трудоспособности или лучше

выносливости труда, въ наши дни постоянныхъ толковъ „о переутомленіи“, для многихъ непонятной, или обилію, глубинѣ и силѣ его духовныхъ дарованій и талантовъ. Да, покойнаго не обинуясь можно назвать тѣмъ приточнымъ рабомъ, который надѣленъ отъ Господа не однимъ или двумя, а пятью талантами и который ни одного изъ нихъ не закопалъ въ землю, а всё ихъ употребилъ въ дѣло, дѣло своей долгой жизни, до послѣдняго угасающаго дня ея...

Будемъ ли поэтому плакать объ немъ, подобно Марѣѣ объ Лазарѣ, плакать о томъ, что вотъ и нѣтъ его? Не плакать, что нѣтъ его, а благодарить Бога, что былъ среди насъ—на нашихъ глазахъ жилъ такой трудолюбецъ, который не губилъ и не погубилъ врученные ему отъ Бога таланты, а, употребивъ ихъ въ дѣло, до конца исполнилъ долгъ, завѣщанный отъ Бога! Да, знаменательнымъ мнѣ кажется даже то, что нить его жизни порвалась на послѣдней двѣнадцатой книжкѣ пятидесятаго года его Архива! Вѣдь пятидесятый годъ и по Библии есть годъ юбилейный, за которымъ и по Божьему слову достойно и праведно надлежитъ быть награждѣ... Развѣ все это не можетъ для насъ служить залогомъ того, что и почившій, если и умеръ, оживеть?...

Бываютъ люди, которые, говоря слова откровенія св. Іоанна, думаютъ, что они живы, а они мертвы; но бываетъ и наоборотъ; о чловѣкѣ говорятъ, что онъ умеръ и мы сами видимъ его во гробѣ, а онъ живъ. Это же самое мы можетъ сказать о почившемъ. Онъ живъ въ томъ самомъ дѣлѣ, которое такъ неустанно дѣлалъ всю свою долгую жизнь; ибо дѣло это не ушло съ нимъ въ гробъ, въ могилу, а осталось съ нами, у насъ и для насъ и само есть дѣло жизни—жизнь.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь тѣ 600 „выпусковъ“ „Русскаго Архива“ за пятьдесятъ лѣтъ его существованія, которые собралъ и составилъ почившій, вложивъ въ нихъ свою душу, свою жизнь, хоть въ нѣкоторой части и составляютъ библиографическую рѣдкость, все же цѣлы и, конечно, тщательно будутъ храниться и надолго еще сохранятся въ книгохранилищахъ науки. Хочется вѣрить, что изданія „пѣвца Екатерины“ ея сподвижниковъ и преемниковъ, долго, долго, пока жива Россія, не покроются пылью забвенія и чѣмъ больше и дольше будутъ жить, въ живомъ употребленіи живыхъ людей, тѣмъ цѣннѣе будутъ считаться. Можно смѣло сказать, что безъ этихъ книгъ не обойдется ни одинъ ученый Русскій историкъ въ своихъ изысканіяхъ и изслѣдованіяхъ о послѣднихъ двухъ столѣтіяхъ жизни Россіи, общественной, государственной и

даже церковной; потому что въ своемъ „Архивѣ“ почившій не просто собиралъ все, что осталось отъ того времени, безъ всякаго разбора и системы, а изъ собираемаго имъ историческаго матеріала выбиралъ то, что, по его мысли, было важно и существенно, въ своихъ краткихъ, но всегда мѣткихъ и умныхъ примѣчаніяхъ строго и точно опредѣляя цѣнность и значеніе сообщаемого имъ историческаго матеріала. Этими примѣчаніями и еще больше конечно самымъ подборомъ историческаго матеріала своего „Архива“, какъ живой картиной былого, онъ говорилъ о томъ, чему другіе учили насъ, или отвлеченнымъ языкомъ философскихъ и богословскихъ разсужденій, или поэтическими образами фантазіи: Аксаковы, Хомяковы и Кирѣевскіе, М. Филаретъ, Катковъ, Пушкинъ и Достоевскій—вотъ тѣ русскіе орлы, къ стаѣ которыхъ примыкалъ почившій своими идеалами, которыми жилъ онъ и которые оживлялъ предъ нами въ воспроизводимыхъ образахъ былого. „Былое въ сердцѣ воскрешая и въ немъ сокрытаго глубоко духа жизни вопрошая“, почившій въ воспроизведенныхъ имъ образахъ былого оживлялъ предъ нами отцовъ и дѣдовъ нашихъ, ихъ самихъ, какъ живыхъ, заставлялъ говорить о томъ духѣ жизни, которымъ жили они, какъ истинно-Русскіе люди, и которыми, какъ вѣковѣчными устоями, жила и всегда жива была и будетъ Россія... Здѣсь стоитъ отмѣтить, что вѣдь изъ его, покойнаго „Русскаго Архива“ мы впервые узнали о той „философіи общаго дѣла“ мало кому вѣдомаго нашего Русскаго любомудра, по которой весь смыслъ-то Русской, да и не Русской только жизни, въ томъ, чтобы воскресить отцовъ въ жизни дѣтей ихъ. Какъ въ самомъ дѣлѣ чудны, какъ глубоко истинны и сердцу Русскому желанны, въ этой „философіи общаго дѣла“ такъ логически несокрушимо и до осязательности живо запечатлѣнные, мысли о Царѣ, какъ въ Отца и праотцовъ мѣсто поставленномъ и о связи его съ народомъ во имя Бога, какъ Бога отцовъ,—тѣ мысли, которыя какъ нельзя лучше выражаютъ собою основныя устои Русской жизни, въ которыхъ скрытъ духъ этой жизни! Это-то настоящее православно-русское міро—и жизнепониманіе раздѣляя, этимъ-то духомъ Русской жизни, какъ идеаломъ оживляясь, имъ руководясь, и оживлялъ, воскрешалъ къ жизни отцовъ и дѣдовъ нашихъ почившій пѣвецъ старины въ воспроизводимыхъ имъ образахъ былого. Обращая къ усопшимъ отцамъ, къ ихъ словамъ и дѣламъ сердца живыхъ сыновъ ихъ и чрезъ то тѣхъ и другихъ взаимно объединяя, онъ и самъ объединялся съ тѣми и другими, являя чрезъ то въ себѣ настоящаго православно—русскаго челоувѣка. А вѣдь въ этомъ оживленіи усопшихъ, въ воскрешеніи духа ихъ жизни въ жизни живыхъ, въ этомъ объединеніи всѣхъ въ Богѣ, какъ Богѣ отцовъ, и существо православія, какъ дано оно въ пра-

вославной церкви, въ ея отличіи отъ Западнаго инославія: не даромъ у насъ именно воскресеніе Христова есть праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ...

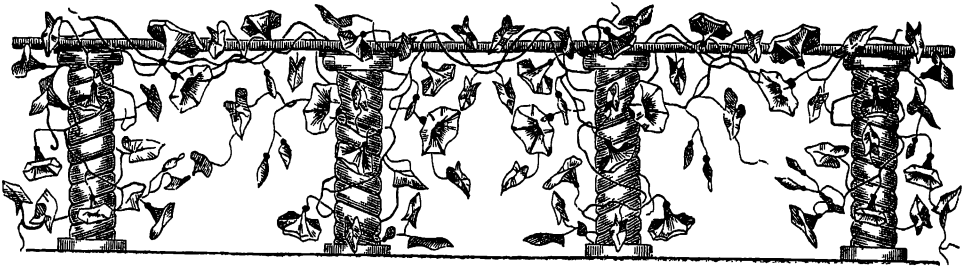
Нужно ли послѣ сказаннаго разъяснять еще слова Господа: *вѣруай въ Мя, аще и умреть, оживеть*, въ ихъ приложеніи ко въ Бозѣ почившему? Нужны ли еще какія свидѣтельства православія его вѣры для надежды на его воскресеніе въ духѣ и силѣ воскресенія Христова? Развѣ, гоня свое слово къ концу, сказать о самомъ концѣ его жизни? Такъ христіански непостыденъ онъ былъ.

Я уже сказалъ выше, что всего лишь за нѣсколько дней до своей кончины закончилъ онъ одиннадцатую и заготовилъ матеріалъ на двѣнадцатую, послѣднюю книжку своего Архива за текущій годъ—пятнадцатый годъ его изданія, какъ бы исполнивъ долгъ, завѣщанный отъ Бога какъ дѣло жизни своей,—всего лишь за нѣсколько дней сподобился св. таинствъ покаянія и св. Причащенія, и соединившись чрезъ то со Христомъ, послѣдніе предсмертные дни провелъ, по словамъ Богомъ данной спутницы его жизни, какъ бы въ отрѣшенности отъ этой жизни, отъ всего земного и въ этой безмолвной отрѣшенности отъ житейской суеты, тихо, незамѣтно-тихо скончался, упокоился отъ трудовъ своихъ—стала покойникомъ....

Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего, со святыми упокой, и дѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная; яко Ты еси воскресеніе и животъ и покой усопшаго раба Твоего Христе Боже нашъ и Тебѣ славу возсылаемъ со безначальнымъ Твоимъ Отцемъ и пресвятымъ и божіимъ и Животворящимъ Твоимъ Духомъ, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Протоіерей Іоаннъ Соловьевъ.

ПАМЯТИ ПЕТРА ИВАНОВИЧА БАРТЕНЕВА.

† 22 Октября 1912 г.

Я былъ весьма польщенъ предложеніемъ, сдѣланнымъ мнѣ Сергѣемъ Петровичемъ Бартевымъ, присоединиться къ другимъ почитателямъ его покойнаго отца и написать вкратцѣ о моемъ съ нимъ знакомствѣ.

Знакомство это продолжалось болѣе трети столѣтія, такъ какъ еще въ Мартѣ 1878 года меня съ Петромъ Ивановичемъ свелъ покойный мой тестъ Василій Васильевичъ Ильинъ, тогдашній Главный Смотритель Страннопріимнаго Дома графа Шереметева. Петръ Ивановичъ часто вспоминалъ объ этой первой моей съ нимъ встрѣчѣ и о добрейшемъ моемъ тестѣ. Любилъ онъ также вспоминать и о моемъ покойномъ отцѣ, котораго зналъ только по наслышкѣ отъ членовъ семьи графа Блудова, состоя учителемъ молодыхъ Шевичей, мать которыхъ Лидія Дмитріевна была дочерью знаменитаго графа Д. Н. Блудова. Эти братья Шевичи (нынѣ тоже покойные) приходились моему отцу племянниками по первой его женѣ, сестрѣ ихъ отца. Петръ Ивановичъ былъ глубоко преданъ памяти графа Блудова, а также памяти всѣхъ тѣхъ, которые оказывали ему какую либо поддержку въ года его юности. Такъ, на примѣръ, онъ до конца жизни вспоминалъ съ благодарностью о бабкѣ моей жены Александрѣ Ивановнѣ Васильчиковой, урожденной Архаровой, съ сыновьями которой Петромъ и Александромъ Алексѣевичами Васильчиковыми онъ учился въ Московскомъ Университетѣ, и съ дружескимъ участіемъ всегда относился ко всѣмъ потомкамъ А. И. Васильчиковой.

Въ первые 15 лѣтъ нашего знакомства я бывалъ въ Москвѣ только изрѣдка, всегда однако стараясь имѣть удовольствіе побесѣдовать

съ П. И. Бартеневымъ, но живя въ деревнѣ поддерживалъ съ нимъ переписку, сообщая иногда кое какой матеріалъ въ Русскій Архивъ, какъ на примѣръ воспоминанія моего отца А. П. Бутенева, появившіяся въ Архивѣ въ 1881—84 годахъ въ Русскомъ переводѣ съ Французскаго подлинника. Бесѣды мои, въ уютномъ маленькомъ кабинетѣ Бартенева надъ проѣздными воротами его дома на Садовой, участились съ переѣздомъ на жительство въ Москву и всегда доставляли мнѣ большое удовольствіе. Петръ Ивановичъ, быть можетъ вслѣдствіе семейныхъ связей, о которыхъ упомянуто выше, всегда необыкновенно привѣтливо относился ко мнѣ и я у него долго засиживался. Любя изучать старину и переноситься въ прошлое, Петръ Ивановичъ былъ для меня, какъ и для всѣхъ его знавшихъ, огромной справочной бібліотеккой, особенно по Русской старинѣ и въ частности по любимому имъ вѣку Екатерины II-й. Память Императрицы Екатерины II была для него священна, онъ передъ нею преклонялся и всегда съ воодушевленіемъ говорилъ о ней какъ объ „избранницѣ русскаго народа, котораго она отблагодарила великимъ своимъ царствованіемъ“.

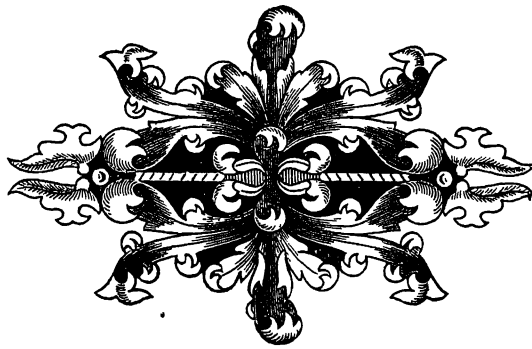
Какъ пріятно было также слушать его рассказы о Пушкинѣ (котораго онъ обожалъ), а также декламированіе имъ стиховъ, которыхъ онъ зналъ наизусть цѣлую бездну, особенно лирическихъ!

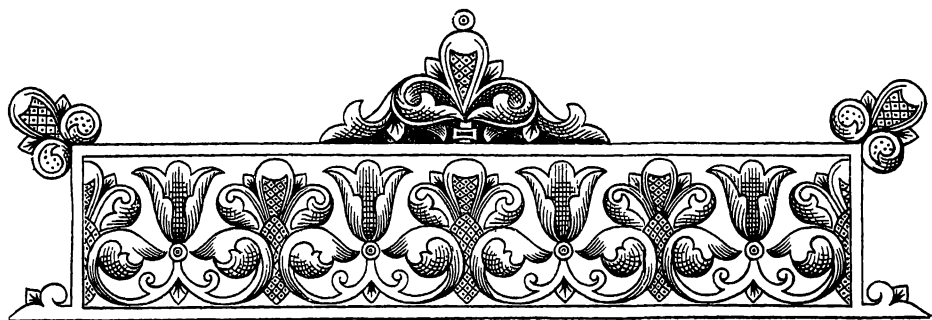
Память его была прямо изумительна. Даже за мѣсяць до кончины, въ Октябрьской книжкѣ Архива въ своемъ послѣсловіи къ помѣщенному тамъ моему письму о покойномъ П. В. Жуковскомъ, Петръ Ивановичъ вспоминалъ съ точностью о такихъ подробностяхъ, какъ о томъ, что онъ первый разъ видѣлъ Жуковскаго, осьмилѣтняго мальчика, такого-то числа и года, въ такомъ-то домѣ, на такой-то улицѣ въ Москвѣ и что мать Жуковскаго, Елисавета Алексѣевна, скончалась такого-то числа и года. Съ такою заботливостью къ точности его многочисленные историческіе труды приобрѣтають особо важное значеніе и нѣтъ сомнѣнія что они оцѣнятся будущими историками. Правильно говоритъ г-нъ С. М. въ своей некрологической замѣткѣ, появившейся въ газетѣ „Русскія Вѣдомости“ что „50 лѣтъ существованія Русскаго Архива будутъ служить вѣчнымъ памятникомъ П. И. Бартенева. Еще долгіе и долгіе годы историкъ съ благодарностью будетъ обращаться къ этому журналу“. Къ слову сказать, этотъ некрологъ, равно какъ и помѣщенный въ другой Московской, какъ принято теперь говорить „лѣвой“ газетѣ „Русское Слово“, написаны съ бѣльшей теплотой и симпатіей къ покойному, чѣмъ некрологи, появившіяся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Новомъ Времени“, хотя покойный былъ извѣстенъ своими

несомнѣнно консервативными убѣжденіями и сотрудничалъ иногда въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Кромѣ „Русскаго Архива“ онъ сдѣлалъ цѣнный вкладъ въ Русскую историческую науку своимъ сборникомъ „Осмьнадцатый Вѣкъ“ и многотомнымъ Архивомъ князя Воронцова. Не даромъ онъ прожилъ, трудясь безъ устали, столько лѣтъ, и вѣчная ему память отъ любящихъ родину Русскихъ людей!

Графъ Хрептовичъ—Бутеневъ.

Москва, 11 Ноября 1912 года.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ БАРТЕНЕВЪ.

некрологъ.

Петръ Ивановичъ Бартеневъ, дѣдушка мой родился 1-го Октября 1829 года въ селѣ Королевщинѣ Липецкаго уѣзда. Родъ свой Бартеневы ведутъ отъ Данилы Бартенева, упоминаемаго въ Волинской лѣтописи XIII-го столѣтія. Отецъ Петра Ивановича служилъ въ конноегерскомъ Арзамасскомъ полку, участвовалъ въ Отечественной войнѣ и совершилъ походъ въ чужіе края, кончившійся взятіемъ Парижа. Выйдя въ отставку въ чинѣ подполковника, онъ женился на Аполинаріи Петровнѣ Бурцевой, сестрѣ знаменитаго Бурцева, воспѣтаго Денисомъ Давыдовымъ, о которомъ говоритъ Гоголь въ „Игрокахъ“ и упоминается у Пушкина. Дѣтство свое Петръ Ивановичъ провелъ въ семьѣ, пользовавшейся доброй славой и всеми любимой, окруженный тѣмъ благоволеніемъ постороннихъ, которое кладетъ на всю жизнь свой особый отпечатокъ. Ему было 8 лѣтъ, когда въ Липецкѣ пришло извѣстіе о смерти Пушкина, и это такъ поразило его дѣтскую душу, что онъ до старости помнилъ, какъ всѣ надѣли трауръ, и маменька плакала.

Среднее образованіе Петръ Ивановичъ получилъ въ Рязанскомъ благородномъ пансіонѣ, гдѣ былъ отъ 1841—1847 г. Объ этомъ времени онъ даетъ любопытныя подробности въ своей автобіографіи, которая со временемъ будетъ напечатана. Въ 1847 году, поступивъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго Университета, онъ слушалъ лекціи Грановскаго, Буслаева, Шевырева, всѣхъ тѣхъ, къ которымъ двигалась и одухотворялась Русская наука; и не только слушалъ ихъ лекціи, но былъ съ ними въ живомъ общеніи. Подъ ихъ вліяніемъ Петръ Ивановичъ занялся историческими трудами и еще студентомъ составилъ „Словарь къ памятникамъ Русской письменности до XIII вѣка“ и написалъ изслѣдованія „Объ языкѣ и слогѣ Несторовой Лѣто-

писи“, а также перевелъ съ нѣмецкаго книжку о Гёте. О тогдашней его работѣ, усердной, точной и кропотливой можно сказать словами А. С. Хомякова:

Безвременно родиться не спѣшила,
Въ листы и цвѣтъ ея младая сила,
Но корнемъ въ глубь врывалася она.

Не легка была юному ученому жизнь въ Первопрестольной, средства приходилось добывать литературнымъ трудомъ и уроками, скудно оплачиваемыми. Такъ наприимѣръ, чтобы достать денегъ, дѣдушка перевелъ изъ Риттера „Географическое распространеніе кофейнаго дерева“, но изъ-за заботъ житейскихъ не оставлялъ занятій литературно-историческихъ, выпустивъ въ Москвитянинѣ „Отрывки изъ писемъ Пушкина къ П. В. Нащокину“.

Кончивъ Университетъ со степенью кандидата въ 1851 году, Петръ Ивановичъ поступилъ учителемъ въ семью Шевичъ, жившую въ Петербургѣ. Онъ преподавалъ исторію и словесность двумъ сыновьямъ М. Д. Шевичъ, рожденной графини Блудовой. „Помню, рассказывалъ дѣдушка, какъ пріѣхалъ на домашній экзаменъ графъ Д. Н. Блудовъ*); одинъ изъ учениковъ моихъ прочелъ ему стихотвореніе Огарева; графъ остался очень доволенъ и самимъ стихотвореніемъ и чтеніемъ своего внука, а меня пригласилъ бывать у него“. Расположеніе гр. Блудова имѣло вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу П. И. Графъ много зналъ по исторіи царствованій Екатерины, Павла и Александра, зналъ многое запретное, никому въ то время недоступное. Въ его домѣ П. И. познакомился съ графомъ Рибопьеромъ, помнившимъ Екатерину и тотъ позволилъ дѣдушкѣ приходить къ нему ежедневно для бесѣды, но не иначе, какъ въ 7 ч. утра. Объ этихъ разговорахъ дѣдушка всегда любилъ вспоминать. Тутъ же онъ сблизился съ С. А. Соболевскимъ, другомъ Пушкина, кн. Т. Б. Потемкиной и многими другими, рассказы которыхъ были для него живой лѣтописью. Въ краткой статьѣ не слѣдъ перечислять всѣхъ лицъ, съ которыми дѣдушка былъ въ сношеніяхъ, это будетъ сдѣлано впоследствии въ подробномъ жизнеописаніи, для котораго имѣются обильныя данныя.

Послѣ двухъ лѣтъ преподаванія въ семьѣ Шевичъ, П. И. поступилъ на службу въ Московскій Архивъ Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ прослужилъ съ 1853—1858 г. На ряду со службой архивной и част-

*) О Блудовѣ Николай Павловичъ говаривалъ, что одинъ онъ, да Блудовъ не грабить казны. П. Б. (младшій).

ными уроками онъ не оставлялъ занятій историко-литературныхъ и выпустилъ въ свѣтъ цѣлый рядъ трудовъ: „О сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго“¹⁾, „Родъ и дѣтство Пушкина“²⁾, „Матеріалы для біографіи Пушкина“³⁾, „Я. И. Булгаковъ историко-біографическій очеркъ“⁴⁾, „Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича“⁵⁾, „Исторія Сербіи“ Ранке⁶⁾ (переводъ съ Нѣмецкаго). Также помогаль онъ своему бывшему профессору С. П. Шевыреву въ составленіи „Исторіи и Словаря профессоровъ Московскаго Университета“.

Въ это время онъ написалъ также рядъ жизнеописаній Булгакова, Потемкина, Моркова и Бантыша-Каменскаго, помѣщенныхъ въ „Біографическомъ словарѣ питомцевъ московскаго университета“⁷⁾. Однако со службой въ Архивѣ денежные затрудненія не исчезли, о чемъ свидѣтельствуеъ переводъ изъ Риттера „Географическое распространеніе верблюда въ Старомъ свѣтѣ“⁸⁾, а къ Риттеру дѣдушка, по его словамъ, прибѣгалъ лишь въ крайнихъ случаяхъ.

Тогда-то П. И. особенно сблизился съ глаголемыми славянофилами. „Сближеніе съ Хомяковымъ, братьями Кирѣевскими, Елагиными и семьею Аксаковыхъ,—писаль онъ—почитаю счастьемъ своей литературной и общественной жизни“. Съ какимъ умиленіемъ рассказываль дѣдушка, какъ Алексѣй Степановичъ Хомяковъ прочель ему свои стихи „Воскресеніе Лазаря“, отправляясь вмѣстѣ къ заутрени въ Лазареву Субботу. За эту преданность онъ едва не заплатилъ, такъ какъ правительство въ то время косо смотрѣло на славянофиловъ, и полиція вела списки лицъ, посѣщавшихъ Хомякова. Тамъ П. И. встрѣтился и познакомился съ Гоголемъ, но не успѣлъ съ нимъ сблизиться; одинъ разъ только имѣли они продолжительный разговоръ о томъ, что чувствовалъ Одиссей, выброшенный на островъ Феаковъ, въ связи съ задачами и цѣлями психологіи. Общеніе съ глаголемыми славянофилами побудило П. И. стать помощникомъ А. И. Кошелева по изданію Рус-

1) Московскія Вѣдомости 1853 г. № 18.

2) Отечественныя Записки 1853 г. кн. 11,

3) Московскія Вѣд. 1854 г. №№ 117—119, 1855 г. №№ 142, 144, 145.

4) Моск. Вѣд. 1855 г. №№ 5 и 7.

5) Отдѣльнымъ изданіемъ М. 1856 г.

6) Отд. изд. М. 1857 г.

7) Другое названіе „Біографическая лѣтопись питомцевъ“. Книга эта rarissime хранится въ Университетской бібліотекѣ, о ней любезно сообщилъ мнѣ, пишущему эти строки, Д. Д. Языковъ, за что приношу ему глубокую благодарность. П. Б. (младшій).

8) Магазиъ Землевѣдѣнія 1854 г.

ской Бесѣды, гдѣ были напечатаны имъ два историческихъ очерка: „И. И. Шуваловъ“¹⁾ и „Графъ А. И. Морковъ“²⁾. Тѣмъ временемъ связи дѣдушки ширились и крѣпли, общественное положеніе упрочивалось. Въ 1858 г. П. И. покинувъ службу въ Archivѣ Иностранныхъ дѣлъ, поѣхалъ въ чужіе края пополнить образованіе и слушалъ лекціи въ Берлинскомъ Университетѣ. О его путешествіяхъ пишетъ Плетневъ князю П. А. Вяземскому: „Бартеневъ долго жилъ въ Берлинѣ, два раза ѣздилъ въ Лондонъ, влюбился въ него и въ Англичанъ, теперь онъ въ Парижѣ, гдѣ бранить все Французское. Въ началѣ Декабря вѣроятно достигнетъ Праги, главной цѣли его путешествія“.

Въ Прагѣ дѣдушка видѣлся съ В. В. Ганкой и до послѣднихъ дней любилъ вспоминать, какъ тотъ однажды таинственно заперъ дверь, завелъ спрятанный въ шкафу органчикъ и комната наполнилась величественными звуками: „Боже Царя Храни“. „Приходится таить нашу любовь къ Россіи, сказалъ Ганка, насъ за это сурово караетъ Австрія“. Во время этого путешествія завязались отношенія со многими Славянами, не прерывавшіяся и впоследствии. Вернувшись въ Москву П. И. занялъ мѣсто завѣдующаго Чертковской библіотекой, гдѣ занимался съ 1859—1873 года. Тогда же онъ былъ избранъ въ члены общества Любителей Русской Словесности, для котораго много и ревностно трудился.

Въ 1859 году П. И. женился на Софіи Даниловнѣ Шпигоцкой, но женитьба не помѣшала его трудамъ; напротивъ, въ женѣ своей онъ пріобрѣлъ помощницу, которая не только сняла съ него бремя заботъ хозяйственныхъ, но любящимъ сердцемъ умѣла входить въ его историческіе и научные интересы. До конца своей жизни дѣдушка цѣнилъ необыкновенную чуткость бабушки къ Русской рѣчи и всегда читалъ ей свои статьи и замѣтки, прежде чѣмъ ихъ печатать.

Пользуясь историческими сокровищами Чертковской библіотеки П. И. могъ расширить кругъ своихъ научныхъ работъ: такъ онъ выпустилъ въ свѣтъ „Записки Г. Р. Державина“³⁾, снабдивъ ихъ литературными и историческими примѣчаніями, перевелъ съ Нѣмецкаго обширный трудъ Кольрауша „Исторія Германіи съ древнѣйшихъ временъ до 1851 г.“⁴⁾ и наконецъ подъ влияніемъ бесѣдъ кн. П. А. Вяземскаго, Соболевскаго, Плетнева и Липранди, написалъ изслѣдованіе „Пушкинъ въ южной Россіи“⁵⁾.

1) Русская Бесѣда 1857 г. кн. 1-я и кн. 4-я.

2) Плетневъ, полное собраніе сочиненій СПб. 1885 г. III т. 711 стр.

3) Москва 1860 г.

4) Москва 1860 г.

5) Русская Рѣчь №№ 90—104 и отдѣльно Москва 1862 г. √

Въ Чертковской библіотекѣ дѣдушка познакомился и сошелся съ графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, для котораго отбиралъ книги, къ 12-му году относящіяся¹⁾.

По мысли А. С. Хомякова П. И. съ 1863 г. началъ издавать „Русскій Архивъ“, который не прекращалъ до самой своей смерти. „Русскій Архивъ“—его дѣтище и славный памятникъ, воздвигнутый полувѣковымъ трудомъ. Съ возникновеніемъ Архива жизнь дѣдушки такъ тѣсно съ нимъ связана, что можно сказать: „Русскій Архивъ“—это Петръ Ивановичъ Бартеневъ, Петръ Ивановичъ Бартеневъ—„Русскій Архивъ“.

Исторія „Русскаго Архива“, иными словами исторія хлопотъ, отношеній, лицъ, съ которыми дѣдушкѣ приходилось имѣть дѣло, принадлежить будущему и въ данный очеркъ не входитъ. „Русскій Архивъ“ въ скоромъ времени доставилъ своему издателю и составителю почтенную извѣстность и въ 70-хъ годахъ П. И. получилъ отъ князя Воронцова предложеніе издать его семейный архивъ. Отправляясь для этого въ Одессу, П. И. получилъ напутствіе отъ С. А. Соболевскаго, гдѣ тотъ, писалъ: „Купайтесь въ Черномъ и чернильномъ моряхъ и распрашивайте княгиню, какъ она жила съ Пушкинымъ“. „По моей винѣ, рассказывалъ мнѣ дѣдушка, утеряны письма Пушкина къ княгинѣ Воронцовой; я могъ бы ихъ выпросить, но такъ боялся выразить на лицѣ своемъ смущеніе, что даже не упоминалъ о Пушкинѣ, а княгиня свободно говорила, и о немъ, и о Раевскомъ“. Архивъ князя Воронцова былъ изданъ П. И. въ сорока томахъ и многое оттуда было перепечатано, согласно уговору, въ „Русскомъ Архивѣ“. Продолжая неуклонно издавать свой журналъ, П. И. выпустилъ въ 1868 году 4 книги историческаго сборника подъ заглавіемъ „Осьмнадцатый Вѣкъ“, а за симъ двѣ книги сборника „Деятнадцатый Вѣкъ“. Историческія изысканія въ Архивахъ помогли ему найти „Житіе Преподобнаго Сергія Радонежскаго“, написанное Императрицею Екатериною II-ой, которое было напечатано въ 1887 году. Кромѣ перечисленныхъ трудовъ П. И. время отъ времени помѣщалъ свои воспоминанія о почившихся въ Московскихъ Вѣдомостяхъ²⁾; изрѣдка помѣщалъ также и въ другихъ журналахъ, такъ напримѣръ въ 1886 году напечаталъ въ Русскомъ Обзорѣннн отзывъ о романѣ Сенкевича „Камо Грядеши“. Въ 1877 году состоялось избраніе дѣдушки членомъ Императорскаго Историческаго Общества, честь, которую онъ очень цѣнилъ.

¹⁾ Подготовительный матеріалъ для „Войны и Мира“.

²⁾ Объ А. П. Львовой (1891 г. № 323), кн. П. Г. Волконскомъ (1896 г. № 254), О. К. Рейтернѣ (1898 г. № 10), кн. М. А. Голицыной-Прозоровской (1901 г. № 124), А. С. Хомяковѣ (1910 г. № 218), Н. И. Пироговѣ (1910 г. № 263).

Въ заключеніе нѣсколько словъ, чтобы выяснитъ образъ П. И. Многіе читатели „Русскаго Архива“ знавали его лично; тотъ, кто разъ съ нимъ бесѣдовалъ, никогда не забудетъ своеобразнаго уклада рѣчи, словно лѣтописной, своеобразнаго взгляда на событія и того выраженія, съ какимъ читалъ онъ излюбленныя творенія Пушкина, Баратынскаго, Жуковскаго. Онъ не любилъ философскихъ обобщеній, строго придерживаясь фактовъ и зная эти факты, какъ никто. Русская исторія послѣднихъ двухъ столѣтій, жила живой жизнью въ головѣ его. Будучи всегда безпристрастнымъ, особливо въ веденіи журнала, П. И. оставался вѣренъ тѣмъ убѣжденіямъ и той живой связи съ землей Русской, которая питала самые корни его существа. Для него „прелесть латинская“ не была исторической фразой, а Папу считалъ онъ доподлинно не пастыремъ, а волкомъ.

Когда Л. Н. Толстой началъ свой походъ на церковность, П. И. возразилъ ему: „Вы, графъ, поступаете по Русской пословицѣ: „осердясь на вши, шубу въ печь“. Также велика была преданность П. И. къ семьѣ Царской; съ гр. Толстымъ, послѣ многолѣтней дружбы, онъ порвалъ за то, что Л. Н. позволилъ себѣ при немъ непочтительно выразиться объ Александрѣ III-мъ, передъ которымъ дѣдушка благоговѣлъ. Когда въ злополучную смуту 1905 г., кто-то высказалъ страхъ за Россію, дѣдушка, помню, сказалъ про Державнаго Вождя:

„... Этихъ глазъ чистосердечье
„Оно всѣхъ демоновъ сильнѣй“.

Въ нынѣшнемъ году, уже чувствуя приближеніе кончины, съ трепетомъ слѣдилъ онъ за болѣзью Наслѣдника и надо было видѣть его радость, когда Августѣйшему больному стало легче. Слабѣющей рукою пытался дѣдушка поздравить Царя съ великой радостью, но смерть заградила уста его и вырвала перо изъ старческихъ пальцевъ.

Петръ Ивановичъ оставался вѣренъ себѣ всегда и во всемъ; заслуживаетъ упоминанія его ненависть къ грамматикамъ, теоріямъ словесности, вообще ко всему, что насируетъ свободу языка и старается его „обмундирить“ *). Вообще всякая ложь и узость пониманія возбуждала его гнѣвъ; еще нынѣшней осенью писалъ онъ директору Московскаго Лицея А. М. Гуляеву, хлопоча обо мнѣ, и приводя примѣры изъ своей жизни, поминая отношеніе Грановскаго, Шевырева и другихъ, когда не пытались пышной фразой и канцелярскимъ крючкотворствомъ скрывать намѣренія гнусныя и дѣянія неблаговидныя.

*) Подлинное слово П. И. Бартенева въ разговорѣ съ Государемъ Александромъ III.

До послѣдней минуты мысли дѣдушки были объ Архивѣ, смерть подкралась къ нему въ то время, какъ онъ просилъ перенести себя съ постели къ письменному столу. Двухъ мѣсяцевъ не дожиль онъ до полувѣковой годовщины своего любимаго дѣтища, хотя успѣлъ вполне приготовить настоящую 12-ую книжку „Русскаго Архива“. Всю свою неутомимую жизнь П. И. Бартенева слѣдовалъ завѣту А. С. Хомякова:

„Не брошу плуга раба лѣнивый,
„Не отойду я отъ него,
„Покуда не прорѣжу нивы
„Господь для сѣва Твоего“.

Петръ Бартенева (младшій).

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1912

12.

стр.

465. Императоръ Павелъ. Война 1799 года. Неизданная статья С. С. Татищева.
475. Изъ тайныхъ писемъ графа Ростопчина. Въ царствованіе Павла Петровича.
481. Тайное Общество. (Военно-судное дѣло 1831 года). Сообщилъ Сазоновъ.
496. Про министровъ внутреннихъ дѣлъ былаго времени. Шуточное стихотвореніе.
497. Изъ переписки Кристина съ княжною Туркестановой. 1814 годъ
544. Письмо митрополита Филарета къ графу Н. П. Панину.
547. Памяти П. В. Жуковского. П. Ю. Б.
549. Изъ Записной Книжки «Русскаго Архива».
551. Письма къ П. И. Бартевеву: И. С. Аксакова, прот. М. Я. Морошнина, М. А. Максимовича, Я. К. Грота, К. Жинзифова.
561. Надъ гробомъ П. И. Бартенева. Протоіерея І. И. Соловьева.
565. Памяти П. И. Бартенева Графа Н. А. Хрептовича-Бутенева.
568. П. И. Бартеневъ. Некрологъ. Петра Бартенева (младшаго).
- Въ приложеніи: портретъ П. И. Бартенева.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1912.

РУССКІЙ ЯРМАРЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартечевымъ.

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый. Не отойду
я отъ него...

Хомяковъ.

1912.

КНИГА ТРЕТІЯ.

МОСКВА.

„Русская Печатня“, Садовая-Триумфальная, домъ № 14.
1912.